

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ В ПЕРСИДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Показаны особенности аналитизма в грамматической системе персидского и русского языков. Делается вывод, что русский язык демонстрирует движение к аналитизму в грамматической системе. Отмечается, что движение к синтетизму также является естественной тенденцией русского языка, а взаимодействие этих двух тенденций – основной момент языковой эволюции.

The article presents the peculiarity of the phenomenon of analytic features in the grammatical system of Persian and Russian languages. Having compared these languages the author concludes that Russian language demonstrates the movement towards the analytic grammatical system. And the movement towards the synthetic grammatical system is the natural tendency of Russian language as well. Just that two tendencies constitute the main point of the languages evolution.

Как известно, языки в своем развитии движутся по шкале аналитизма – синтетизма. Все древние индоевропейские языки, например греческий, латинский, санскрит, носили сильный синтетический характер. Синтетическим был и праславянский язык. Можно заметить, что в русском языке по сравнению с его праславянским предком нарастает количество аналитических элементов. На это обратил внимание еще В.В. Виноградов в своей классической работе «Русский язык» (см. Виноградов 1947) и подробно описал аналитические формы слова, т. е. выражение различных грамматических категорий с помощью аналитических конструкций, в разной степени грамматикализированных. Сюда относятся описательные, аналитические формы степеней сравнения, виды аналитического выражения категории лица, описательная (аналитическая) форма будущего несовершенного вида. Отдельным параграфом представлены рассуждения об аналитических и синтетических формах

русских наклонений в русских грамматиках второй половины XIX в. В.В. Виноградов отнес «аналитические формы слова», образованные «посредством сложения слов или форм слов», к способам формообразования форм слов наряду с аффиксацией, звуковыми чередованиями и положением ударения внутри слова (см. Виноградов 1947, 35). Такое «аналитическое формообразование» он называл также «синтаксическим».

Как утверждает А.В. Никитевич в своей книге «Русский глагол в составе номинативных рядов» (см. Никитевич 2004), начала аналитизма в области глагольного слова были замечены давно. Однако круг фактов, подводимых под явления аналитизма, то сужался, то расширялся у лингвистов в зависимости от критериев аналитичности языковой формы, которыми они пользовались. По мнению самого А.В. Никитевича, аналитическая конструкция может быть формой соответствующего знаменательного слова, входя в систему его словоизменения (или формообра-

зования) – в парадигму слова (см. Никитевич 2004, 32). Особую роль в системе русского глагола играют также явления деривационного аналитизма, подробно рассмотренные в указанной работе А.В. Никитевича, т. е. расчлененное выражение словообразовательных значений, когда вспомогательное слово играет роль словообразовательного аффикса, ср.: рус. *позеленеть* – *сделаться зеленым*.

Число подобных конструкций в русском языке хотя и велико, но все же достаточно ограничено. В современном же новоперсидском языке подобные образования составляют основную массу глагольной лексики: это сложные (или аналитические) глаголы, которые строятся из двух или более слов, например: *کار کردن* (*kâr kardan*) ‘работать’. Количество же простых глаголов в персидском языке, как отмечает иранский лингвист Ханлори, строго ограничено и составляет около трехсот единиц (см. Ханлори 1349, 13).

Как представляется, указанные два типа аналитизма являются наиболее регулярными формами его проявления. Замечено, однако, что использование в русском языке аналитических конструкций становится все более активным, что связано, очевидно, не столько с несовершенством грамматической системы, а также с недостаточностью словообразования и стремлением языковой системы заполнить образовавшиеся лакуны, сколько с общезыковой тенденцией к наибольшей мотивированности обозначения и стремлением к точности и выразительности. Не все расчлененные наименования, существующие в русском языке, можно отнести к примерам деривационного аналитизма, ср., например: *принимать участие* – *участвовать*, *намазать маслом* – *намастить*, *класть яйца* – *нести*. Эти словосочетания нарушают по крайней мере два принципа деривационного аналитизма из предложенных В.М. Никитевичем (см. Никитевич 1985, 57–62): принцип регулярного соотношения глагола-вербализатора с формантом словообразовательного ряда производных слов (вербализаторы *принимать*, *намазать* не имеют регулярных соответствий в других словосочетаниях) и принцип знакового родства с мотивирующим словом глагольной лексемы (лексема *яйца* не мотивирует глагол *нести*). По классификации, предложенной А.Е. Михневичем, такие словосочетания можно отнести к примерам лексического аналитизма (см. Михневич 1976, 197).

Безусловно, расчлененными наименованиями являются также фразеологические сочетания. Их отличает от приведенных выше стилистически нейтральных конструкций с относительно независимыми компонентами наличие двух важных характеристик – идиоматичности и экспрессивности.

Однако, как представляется, все приведенные способы выражения языкового смысла – своего рода звенья в общей цепи возникающего в рус-

ском языке аналитизма, прежде всего аналитизма в глагольной системе. Безусловно, о наличии грамматического аналитизма свидетельствует наличие аналитических конструкций в морфологической области (типа сложного будущего времени) и словообразовательного аналитизма. Тем не менее проявления лексического аналитизма также можно считать шагом вперед при продвижении к аналитическому языковому строю. Это заметно при сравнении с аналитическими глаголами, существующими в персидском языке.

Сложный глагол в персидском языке состоит из именного компонента и одного простого глагола, в частности: *بودن* (*budan*) ‘быть’, *کردن* (*kardan*) ‘делать/сделать’, *شدن* (*šodan*) ‘стать/становиться’, *دادن* (*dādan*) ‘дать/давать’, *ساختن* (*sākhtan*) ‘создать/создавать’, *زدن* (*zadan*) ‘бить’, *یافتن* (*yāftan*) ‘найти/находить’, *داشتن* (*dāštan*) ‘иметь’, *گذاشتن* (*gozāštan*) ‘положить/класть’, *ماندن* (*māndan*) ‘оставаться/остаться’ и др. Вот примеры аналитических персидских глаголов, составленных при участии названных выше простых глаголов: *مهربان بودن* (*mehrabān budan*) ‘быть добрым’, *کمک کردن* (*komak kardan*) ‘помогать’, *عصبانی شدن* (*asabāni šodan*) ‘сердиться’, *دست دادن* (*dast dādan*) ‘пожать руку’, *دوست داشتن* (*doost dāštan*) ‘любить’, *آزاد ساختن* (*āzād sākhtan*) ‘освободить’, *صدا زدن* (*sedā zadan*) ‘звать’, *وفات یافتن* (*vafāt yāftan*) ‘умереть’, *احترام گذاشتن* (*ehterām gozāštan*) ‘уважать’, *خواب ماندن* (*khāb māndan*) ‘просыпать’ и др.

Можно предположить, что русский язык, являясь так же, как и персидский, индоевропейским языком, может обнаруживать деривационный потенциал у глаголов с аналогичной семантикой и такие глаголы могут становиться вербализаторами в деривационных сочетаниях.

Безусловно, процесс грамматикализации в русском языке в наибольшей степени коснулся глагола *быть* как регулярно принимающего участие в образовании форм простого будущего времени, так и образующего аналитические формы сказуемого (составного именного), ср.: *быть больным* *مرض بودن* (*mariz budan*): *Мы позвонили и узнали, что он болен* – *ما تلفن کردیم و . . . فهمیدیم که او مریض (می باشد) است* (*Mā telefon kardim va fahmidim ke y mariz (mibāšad) ast*).

На второе место можно поставить глаголы *стать/становиться* и *делать/сделать*, которые находятся между собой в отношении пассивности – активности. Эти лексемы регулярно принимают участие в формировании деривационных сочетаний: *стать/становиться красным*, *стать/становиться филологом*, *делать/сделать красным*, *делать/сделать филологом* и т. д. Их частотность соотносится с регулярностью подобных глаголов в персидском языке, в котором самым употребительным вербализатором является именно глагол *کردن* (*kardan*) ‘делать/сделать’. Один из самих выдающихся персидских лингвистов Хасан А. Гиви насчитывает более 1800

аналитических глаголов, в состав которых входит этот глагол (см. Гиви 1380, 944), например, глагол со значением 'помогать' کمک کردن (*komak kardan*): من به او کمک کردم تا جایگاه خودش را در زندگی پیدا کند (*Man be y komak kardam ta jaygāhe khodaš rā dar zendegi peidā konad*) 'Я помогал ему найти свое место в жизни'.

Эквивалентом глагола کردن (*kardan*) 'делать/сделать' является глагол ساختن (*sākhtan*) 'создать/создавать'. В русском языке также наблюдается подобная синонимия вербализаторов: *вылепить – сделать, создать посредством лепки, помешать – сделать, создать помеху, вымучить – сделать, создать с трудом, с усилием, притвориться – сделать, создать видимость* и т. д. И хотя только две первые конструкции являются в полном понимании этого термина деривационными сочетаниями, остальные также создают потенциал аналитического развития русского языка.

Глагол ساختن (*sākhtan*) 'создать/создавать' имеет и значение 'строить'. В русском языке также наблюдается синонимия вербализаторов *делать – строить*, ср.: *предполагать – строить/делать предположения, размышлять – строить/делать умозаключения, проектировать – строить/делать проекты*.

Однако тут очевидно и отличие русской системы аналитических конструкций, еще недостаточно грамматикализованных, от персидской. В персидском языке вербализатор однозначно закреплен за выражением определенного смысла, колебаний не допускается, например: 'работать' کار کردن (*kār kardan*), 'дышать' نفس کشیدن (*nafas kešidan*), 'любить' دوست داشتن (*dust dāštan*) и т. д. Редкие отклонения могут носить стилистический характер, например, глагол بودن (*budan*) в настоящее время выступает как синоним глагола-связки هستن (*hastan*), но по сравнению с последним носит книжный характер. В русском языке такого не наблюдается. Как отмечает в своем фундаментальном труде, посвященном анализу глагольных деривационных сочетаний, А.В. Никитевич, «поражает лексическое многообразие собственно глагольных компонентов» (Никитевич 2004, 40). Можно привести многочисленные примеры: *дать/предоставить аванс (авансировать), положить/поставить пломбу в зуб (запломбировать), терпеть/испытывать муку (мучиться)* и т. д.

Достаточной аналитической нагруженностью характеризуется и глагол *дать*. Некоторые аналитические конструкции с его участием имеют однословные соответствия, например: *дать/давать аванс – авансировать; дать/давать аттестацию – аттестовать*. Но во многих случаях однословное именование является единственно возможным, ср.: *дать аудиенцию, дать банкет, дать обет, дать бенефис, дать возможность* и т. д.

Глагол *положить/класть* также регулярно употребляется в реализации деривационного аналитизма. Эту регулярность можно обнаружить прежде всего в нескольких конструкциях с определенным значением. Во-первых, это конструкции, обозначающие добавление в пищу той или иной приправы: *сахарить – класть сахар, сдобить – класть сдобу в тесто, солить – класть соль, перчить – класть перец* и др. Во-вторых, это конструкции типа *положить/класть начало, конец, предел*. Как представляется, способность глагола участвовать в таких различных конструкциях свидетельствует о делексикализации глагола, утрате им значения в аналитической функции. По этому пути пошли и персидские глаголы, например, тот же глагол گذاشتن (*gozāštan*) 'положить/класть' принимает участие в образовании глагола احترام گذاشتن (*ehterām gozāštan*) 'уважать' – همه به بزرگتر ها احترام می گذارند. (*Hame be bozorgtar hā ehterām migozārand*) 'Все уважают старших'. Если же делексикализации не происходит, такой глагол не может принимать участия в образовании деривационных аналитических сочетаний, например, в сочетаниях *плыть на веслах* или *идти шагом*. Для них можно даже подобрать реальные или потенциальные однословные однокоренные глаголы (см. подобное условие деривационного аналитизма у В.М. Никитевича) – *шагать* или **весловать* (ср.: в польском языке *wiosłować*). Однако в этих сочетаниях глагол полнозначен. Это подтверждается тем, что при удалении именного компонента предложение все равно остается осмысленным, ср.: *Вчера мы плыли на веслах по реке. – Вчера мы плыли по реке*. Такого не происходит в случае деривационного словосочетания, ср.: *Я положил сахар в тесто. – *Я положил в тесто*.

Интересен в этом отношении глагол *бить*. А.В. Никитевич относит конструкцию с его участием к номинативному ряду глаголов со значением 'действовать, как действуют чем', приводя пример *бить костью – костью* и указывая на то, что «конкретный вид действия, обозначенный лексически полнозначным глаголом, позволяет говорить о статусе подобных словосочетаний лишь как о лексически конкретизированных» (Никитевич 2004, 246). Однако автор не сомневается в том, что подобные словосочетания – материал для развития аналитизма русского языка. И персидский язык является подтверждением этому – действительно, глагол زدن (*zadan*) 'бить' является вербализатором, например, в сложном глаголе کف زدن (*kaf zadan*) 'аплодировать'. В русском языке, кстати, есть подобная конструкция – *бить в ладоши*. Можно привести еще несколько примеров сочетаний, в которых рассматриваемый глагол находится в различной степени грамматикализации (*бить друг друга* 'даться', *сильно бить* 'дубасить', *бить ключом* 'кипеть', *бить в ладоши* 'хлопать'), что подтверждает спо-

способность этого слова участвовать в перспективе в образовании аналитических конструкций.

Персидский язык часто предлагает в качестве анализаторов неожиданные по своей семантике глаголы, например: глагол چين (*čīdan*) 'рвать', который, в частности, участвует в образовании аналитического глагола توطئه چين (*towtee čīdan*) 'готовить заговор' – *آنها بر علیه من توطئه چیده اند.* (*Ānhā bar aleihe man towtee čideand*) 'Они готовили заговор против меня'. В русском языке можно найти по крайней мере один пример аналитической конструкции с участием семантически сходного глагола: *рвать когтями добычу* – *когтить*. Другие сочетания с участием этого глагола несут явный оттенок образности, например: *рвать на себе волосы* 'быть в состоянии крайней досады', *рвать когти* 'убегать'. Как было отмечено, образность – это компонент идиоматических фразеологических, а не деривационных сочетаний. Если, однако, сравнить значения персидского однословного глагола и глагола аналитического, также будет замечена образная составляющая. Это наводит на мысль о том, что сочетания, содержащие элемент образности, также в будущем могут привести к появлению грамматикализированных аналитических конструкций.

Еще один глагол, который может участвовать в образовании деривационных сочетаний в персидском языке, это глагол کشیدن (*kešīdan*), который имеет несколько значений: 'терпеть' и 'испытывать'. Глагол *испытывать* называется А.В. Никитевичем среди средств образования русских деривационных сочетаний со значением 'быть в состоянии, названном именем', например: *испытывать нужду* (Никитевич 2004, 270). Поэтому автор не указывает, что подобные сочетания возможны также с глаголом *терпеть*, например: *терпеть нужду, терпеть муку, терпеть лишения, терпеть неудачу, терпеть недостаток, терпеть истязания, терпеть неудобства, терпеть упреки* и др. Многие из этих сочетаний дают возможность для достаточно интересных наблюдений.

Так, например, сравнение однословного глагола и аналитического выражения показывает, что в одних случаях они полностью совпадают семантически: *терпеть муку* – *мучиться*, а в других – расходятся, деривационное сочетание является более узким по семантике, совпадает лишь с одним значением глагола: *терпеть (испытывать) нужду* – *нуждаться*. Такое семантическое расхождение можно наблюдать и в следующих случаях: *класть поклоны (во время молитвы)* – *кланяться, показывать представление* – *представлять, показывать фокусы* – *фокусничать*.

Вообще интересна сама проблема соответствия сочетания однословному глаголу. Например, в современном русском языке сочетание *терпеть (испытывать) лишения* не равняется по значению глаголу *лишаться*. Однако такое соответствие наблюдается в истории языка, например: *иждивъшу же ему вьса, бысть гладь*

крѣпкъ на странѣ тои, и тѣ начятъ лишатися (Лук., XV, 14) 'когда он все прожил, был сильный голод в той стране, и он начал терпеть лишения' (Словарь... 1981 VIII, 258–259). Казалось бы, этот пример может служить подтверждением того, что русский язык движется в направлении аналитизма, но это не совсем так. Еще выдающийся русский ученый А.А. Потебня писал: «...как бы ни были относительно новыми составные части оборотов "крест класть", "лов деяти", эти обороты по типу более древние, чем "креститься", "ловити"» (Потебня 1968, 278).

О том, что аналитизм и синтетизм сосуществуют, свидетельствует и тот факт, что аналитические деривационные сочетания с глаголом *остаться/оставаться* (см. выше возможность участия подобного глагола в образовании аналитических конструкций в персидском языке) – *оставаться на зиму, на весну, на лето* употребляются параллельно с соответствующими глаголами *зимовать, весновать, летовать*. О существовании подобных глаголов в русском языке, а не только в белорусском (как полагает А.В. Никитевич (см. А.В. Никитевич 2004, 283)) свидетельствуют данные «Национального корпуса русского языка»: *Теперь, когда приезжаем мы в старый дом свой, на старый двор летовать, то даже кур не держим* (Б. Екимов); *Я удачно весновал: яиц гусиных насобирал много* (В. Голованов).

Подтверждением того, что новые синтетические образования и сейчас приходят на смену аналитическим, является пример из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998), в котором показано, как новое жаргонное слово заменяет традиционное описательное выражение: *лажаться* – 'терпеть неудачу в чем-л.' (с. 485). Это вполне понятно – жаргон более, чем иные варианты языка, стремится к экономии речевых усилий.

Таким образом, в современном состоянии русского языка наличествует не только аналитизм. Естественной тенденцией является и стремление к экономии речевых средств, т. е. использование синтетических, однословных номинаций. Именно эти две тенденции составляют сущность развития языка, его эволюции.

- Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
 Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
 احمدی گیوی حسن دستور تاریخی فعل، جلد اول، تهران، نشر قطره، 1380.
 Міхневiч А.Я. Праблемы семантика-сiнтаксiчнага даследавання беларускай мовы. Мн., 1976.
 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
 Никитевич А.В. Русский глагол в составе номинативных рядов. Гродно, 2004.
 Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. Мн., 1985.
 Словарь русского языка XI–XVII века. М., 1981. Т. 8.
 خانلوري، 1349، نقل ختاری پرويز- تاريخ زبان فارسی، جلد دوم، سلختمان فعل، تهران.
 Поступила в редакцию 31.03.10.

Башири Сонукеш Атаоллах – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.А. Кожина.